

Глава 1

Ничто не вечно...

После лихорадочных июльских дней 1830 года, когда был свергнут Карл X и «королем французов» милостью Божией и волей народною стал Луи-Филипп¹, Парижу не терпелось снова обрести видимость порядка. По улицам, расчищенным от баррикад, устремились во всех направлениях кортежи, манифестации и разнообразные шествия. Неделями можно было наблюдать небывалое зрелище: чернь каждый день врывается в Пале-Руаяль, резиденцию нового суверена. Простой люд бежал туда, как на мельницу. Луи-Филипп, озабоченный своей популярностью, вынужден был без роздыху принимать многочисленные делегации из столичных кварталов и провин-

¹ «Король французов» — официальный титул, принятый Луи-Филиппом (1773–1850), герцогом Орлеанским, вместо феодального «король Франции и Наварры»; правил с 9 августа 1830 года по 24 февраля 1848 года. — *Здесь и далее, кроме указанных случаев, примеч. пер.*

циальных городов. С утра до вечера ему приходилось крепко жать руки посетителям, которых всего лишь несколько месяцев назад он и взглядом бы не удостоил. А с наступлением вечера толпы людей собирались в садах и у ограды дворца, требуя, чтобы их король показался на балконе; расходились, только услышав, как он запевает «Марсельезу» или «Парижанку». Всю вторую половину лета столица вела себя как норовистая кобыла, которая не желает возвращаться в стойло и мчится по просторам, пьянея от залихватского галопа и вольного ветра, треплющего гриву.

Потом революционный пыл мало-помалу стал угасать. Ему на смену пришло обманчивое затишье. Парижских рабочих и ремесленников одолело похмелье — после эйфории победы, украденной у них по большей части, они возвращались к своему жалкому существованию, ознаменовавшемуся понижением заработной платы и ужесточением условий труда. На троне сменился хозяин, и таков был единственный заметный результат восстания — многие уже не без горечи начинали это осознавать. Угли под слоем остывшего пепла еще тлели, и не требовалось большого ума для очевидного вывода: достаточно самого незначительного события, малейшего предлога, чтобы снова полыхнуло пламя.

Впрочем, тем вечером в конце октября теплая погода скорее нашептывала предаться безмятежному покою и радостям жизни. По крайней мере, к этому склонны были те немногие привилегированные, кто оказался в фаворе у новой власти. Пригород Сент-Оноре нежился под ласковым осенним солнышком, прислушиваясь к отголоскам многочисленных званных вечеров. Как и на Шоссе-д'Антен, здесь находились

владения высшей буржуазии, которой достались все блага и доходные должности. В Сент-Оноре даже воздух как будто был легче и циркулировал вольготнее, чем на темных улочках в центре города, да и небо здесь, казалось, было ярче и прозрачнее. Через высокие окна богато декорированных фасадов можно было разглядеть феерию света, которую устраивали бесчисленные канделябры и люстры с подвесками. Ничто не предвещало драмы. А она меж тем неизбежно должна была разыграться...

К дому номер двенадцать по улице Сюрен, в двух шагах от королевской церкви Марии Магдалины, с тех пор как колокола отзвонили восемь вечера, тянулся нескончаемый поток карет и прочих экипажей. Кучеры один за другим сворачивали к величественному, уютному плющом портику и высаживали на квадратном дворе с фонтаном цвет финансового и промышленного общества. В этот вечер Шарль-Мари Довернь имел честь принимать в свежестреставрированном особняке своих друзей из политических кругов и самых значимых деловых партнеров. Предполагалось, что гостей будет не меньше сотни.

Хозяин особняка сколотил состояние на оптовой торговле пряностями и лекарственными растениями, а не так давно он вложил около миллиона в завод на берегу Уазы, оснастив его машинным оборудованием, работающим на гидроэнергии. Там он успешно внедрил уникальный метод обжарки какао-бобов, тем самым практически обеспечив себе монополию в области фабричного производства лекарственного шоколада.

У Довернья были причины публично отпраздновать свои достижения. Он выстроил прочное основание для

процветания семьи, а теперь еще и стал членом Палаты депутатов в результате дополнительных выборов, проведенных после того, как несколько прежних народных избранников, отказавшихся присягнуть на верность новому режиму, лишились полномочий. По натуре Довернь был скорее консерватором, так что выгоду от недавних политических преобразований он извлек благодаря собственному оппортунизму, а не реальным убеждениям. Вечером 29 июля, когда в победе восстания уже не было сомнений, Доверню хватило ума открыть двери своего парижского склада перед мятежниками и позволить им организовать там временный госпиталь. Этот единственный подвиг — в общем-то скромный, но совершенный ловко и вовремя — позволил ему занять место в ряду самых рьяных защитников свободы народа. В итоге он без масла пролез в тесный круг единомышленников, сплотившийся вокруг банкиров Лафитта и Казимира Перье. Это была небольшая группа весьма решительных людей, способствовавших приходу к власти младшей ветви Бурбонов¹ и тем самым избавивших страну от возвращения революционной смуты. На их плечах Довернь и въехал за кулисы власти. Теперь он уже начинал получать конкретную выгоду от своих маневров, уводя прибыльные государственные заказы из-под носа у главных конкурентов.

В этот вечер Шарль-Мари Довернь рука об руку с женой наслаждался собственным триумфом. Супружеская чета принимала гостей в вестибюле и провожала их к анфиладе салонов, сплошь в мраморе и позолоте,

¹ Глава Орлеанского дома династии Бурбонов, Луи-Филипп был кузеном трех королей, занимавших трон до него: Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X. — *Примеч. авт.*

где струнный квартет без устали играл камерную музыку. Помимо этого, гостей ждал грандиозный банкет, обеспеченный Шеве — знаменитым поставщиком яств для Пале-Руаяль. За столами формировались группы по интересам. Женщины предвкушали скорое начало сезона¹, описывали друг другу новые наряды, заказанные для предстоящих балов и приемов, обменивались, понизив голос, последними сплетнями о любовных романах при дворе и о парочках, замеченных в Булонском лесу или в Оперá. Мужчины обсуждали текущие события. Одни спорили об эффективности вынесенного на голосование в палату депутатов тридцатимиллионного кредита для оживления экономики за счет широкого использования субсидий. Другие возмущались нападениями легитимистов на королевскую семью, которую те обвиняли в убийстве последнего принца Конде ради того, чтобы завладеть его наследством. Третьи предвкушали грядущий судебный процесс над бывшими министрами Карла X и подсчитывали их жалкие шансы сохранить голову на плечах.

На верху огромной лестницы, ведущей к жилым апартаментам, стоял, небрежно облокотившись на балюстраду, бледный юноша, чья фигура была изящной, но слишком хрупкой, как обычно бывает у выздоравливающих после тяжелого недуга или у чахоточных. С высоты он угрюмо озирает картину светского торжества. Будь его воля, молодой человек в этот вечер и вовсе не показался бы на публике, но отец настаивал на

¹ Парижский сезон светских мероприятий у высшего общества продолжался с декабря до Пасхи. С начала мая самые богатые семейства переезжали за город и возвращались в столицу лишь к концу осени. — *Примеч. авт.*

его присутствии тоном, не терпящим возражений. Довернь-старший приготовил для своего единственного сына некий прожект — выгодную сделку — и всецело рассчитывал на его безоговорочное содействие. Сегодняшний роскошный прием нужен был еще и для того, чтобы скрепить сделку на официальном уровне с блеском, подобающим новому общественному положению главы семейства.

Означенному «прожекту» было семнадцать лет, он откликался на нежное имя Жюльетта и стоил около четырехсот тысяч золотых франков, предлагавшихся за него в приданое. Вернее, конечно же, за нее. Это была младшая дочь богатого нормандского промышленника, владевшего ни больше ни меньше тремя прядильными фабриками между Руаном и Эльбёфом, а также битком набитым портфелем акций. Брачный союз обещал быть невероятно продуктивным не только в деле продолжения рода Довернь. Так что новоявленный депутат ясно дал понять своему отпрыску, что в его собственных интересах будет произвести на невесту хорошее впечатление.

Перспектива весь вечер разыгрывать услужливого кавалера перед провинциальной дурой, наверняка безвкусно вырядившейся и не умеющей связать пару слов, Люсьена отнюдь не вдохновляла. В свои двадцать пять лет он оставался балованным мальчишкой и вел беззаботную богемную жизнь. Его легкомыслие приводило Доверня-отца в отчаяние, и после выборов в палату депутатов он открыто заявил сыну, что пора уже остепениться. В устах главы семейства это означало следующее: во-первых, Люсьен должен заключить выгодный брак, а во-вторых, начать интересоваться премудростями обработки какао и управления ка-

кой-нибудь мануфактурой. Ни то ни другое Люсьена не привлекало, но отец пригрозил лишить его денежного содержания, если будет ерепениться, и молодому человеку пришлось покориться.

Впрочем, у молодого повесы еще была надежда на верного союзника в лице матери.

Мадам Довернь проявляла к сыну снисходительность, которой не мог себе позволить отец. К неудовольствию супруга, она всегда попустительствовала склонности Люсьена к сочинительству и одобряла его литературные опыты. Молодой человек воистину бредил литературой. Попробовав себя без особого успеха в поэзии, с недавних пор он загорелся идеей покорить публику величайших парижских театров своими пьесами. Теперь все его мысли были заняты драматургией, а после того, как ему довелось прошлой зимой побывать на триумфальной премьере «Эрнани», его кумиром сделался Виктор Гюго. Мадам Довернь, женщина умная и деликатная, исхитрилась пригласить писателя на этот торжественный прием, позвав вместе с ним для прикрытия горстку дряхлых академиков¹. Так что Люсьен все-таки решился появиться в анфиладе салонов, по которой фланировали толпы гостей, но при этом он вооружился твердым намерением бросить свою даму при первой же возможности, чтобы посвятить всего себя автору «Восточных мотивов» и «Последнего дня приговоренного к смерти».

¹ Под «академиками» имеются в виду члены Французской академии, основанной как частное общество в 1625 году; академический статус общество получило спустя десять лет благодаря стараниям кардинала Ришельё, который мечтал «сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все искусства и науки». Сейчас это часть Института Франции, объединяющего пять национальных академий.

Однако воистину в тот вечер все пошло не так, как было задумано. Началось с неприятного сюрприза — вести о том, что месье Гюго в последний момент отказался от приглашения. Писатель, оказывается, подхватил жуткую простуду, из-за которой несколько дней не сможет выйти из дома. Раздосадованный Люсьен уже приготовился провести худший вечер за всю свою недолгую жизнь, но тут ему представили пресловутую Жюльетту. К величайшему изумлению молодого человека, жулику-отцу удалось сделать для него не такой уж плохой выбор. Девушка оказалась далеко не дурнушкой, к тому же изящная брюнетка с бархатно-карими глазами и жизнерадостным звонким голосом не замедлила проявить вкус к романтической поэзии. Вскоре под умиленными взорами обеих пар родителей молодые люди принялись читать друг другу стихи Ламартина и Альфреда де Мюссе. Люсьен настолько поддался чарам красавицы, что почти забыл о четырехстах тысячах франков приданого, которые были главной целью этого тщательно спланированного знакомства.

Последние минуты, предшествовавшие драме, впоследствии удалось воссоздать лишь на основе отрывочных свидетельств. Из того, что сумели выяснить полицейские, следовало, что в разгар званого вечера Люсьен Довернь поднялся в свои апартаменты на жилом этаже за сонетами собственного сочинения: Жюльетта, которой он признался, что и сам пописывает стихи, упростила молодого человека позволить ей взглянуть хоть одним глазком на них. Дальнейшее было куда загадочнее. Один из слуг сообщил, что видел хозяйского сына незадолго до десяти часов в коридоре третьего этажа. Туда перенесли множество предметов мебели, чтобы освободить побольше места

в гостиных, и в числе прочего в тот коридор отправили внушительных размеров венецианское зеркало в золоченой раме. Его просто сгрузили на пол и прислонили к стене. Так вот, согласно показаниям слуги, Люсьен стоял возле этого зеркала на одном колене и неотрывно смотрел на свое отражение странным застывшим взглядом. «Месье был так поглощен этим занятием, что даже вроде как не услышал меня, когда я спросил, не надо ли ему чего», — впоследствии сообщил этот человек, камердинер, полицейским, явившимся на место событий.

Жюльетта, заждавшись своего прекрасного кавалера, в конце концов выразила удивление хозяйке дома, что ее сын так долго отсутствует. Опасаясь, что неисправимый отпрыск снова закапризничал и манкирует обязанностями, мадам Довернь решила поскорее с ним разобраться и все уладить, пока отлучку Люсьена не заметил ее супруг. В вестибюле она встретила спустившегося по лестнице камердинера, расспросила его и тотчас поспешила наверх, где и застала сына в той самой позе, которую ей только что описал слуга. Люсьен за это время, похоже, даже не пошевелился.

Охваченная дурным предчувствием мать окликнула его.

При звуках голоса, столь дорогого его сердцу, молодой человек поднялся. Развернулся лицом к противоположному концу коридора, спиной к матери, резко взмахнул рукой на уровне головы, словно в знак прощания, затем решительным, но слегка неровным шагом направился к ближайшему оконному проему, распахнул створки высокой рамы и... с ледяным спокойствием прыгнул головой вниз.

Эрик Фуасье

С криком ужаса мадам Довернь бросилась к роковому окну, а когда она выглянула, увидела в пяти метрах под собой лежащее на плитах двора безжизненное тело сына с торчащим из груди обломком трезубца Нептуна, чья статуя украшала фонтан. Листы бумаги, исписанные стихами, плавно кружились на ветру, как опавшие листья.